

Эдвард Радзинский

Монолог о браке

Часть сборника
Пьесы

Эдвард Радзинский

Монолог о браке

«АСТ»

1973

Радзинский Э. С.

Монолог о браке / Э. С. Радзинский — «АСТ», 1973

Перед Вами – пьеса Эдварда Радзинского «Монолог о браке» (1973). Суть пьесы выражает выстраданная фраза автора: «Не трогайте первых браков, это браки детей». Из интервью Э.Радзинского: «Первые браки действительно браки детей, правда. И в этой пьесе опаленность и беззащитность. Все это было, было... Молодые люди воспринимают брак как совместный турпоход. Им кажется, что все хорошее еще впереди, а это так, разведка, поэтому можно быть беспощадным... И они смелы, они смело рушат эти первые браки. К тому же, есть любящие теща и свекровь: каждая из них знает, какой ужасный мезальянс сделало их чадо. Так что обоим супругам есть, куда убежать во время их страстных ссор, есть, у кого искать справедливость. Молодому мужу также прекрасно известна загадочная фраза: «Если бы ты был мужчиной». Ее, видимо, из века в век твердят жены во время кораблекрушений под названием «первый брак». Все было так типично...»

© Радзинский Э. С., 1973

© АСТ, 1973

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эдвард Радзинский

Монолог о браке

веселая пьеса о разводе, по жанру комедия и мюзикл, должно быть...

Пролог

Декорация кафе. Столики в этом кафе расставлены в определенном порядке. Два главных – на переднем плане, в противоположных углах сцены. Вокруг этих двух главных, образуя полукруг, стоят остальные столики.

Появляется Он – герой пьесы. Он еще молод (25 лет), а на вид – очень молод. Он усаживается за один из двух главных столиков. Мимо него проходит Официантка Он окликает ее, но Официантка, не обращая на него никакого внимания, величественно удаляется. Он достает мелочь – он ищет две копейки, чтобы позвонить. Опять появляется Официантка.

Он. Девушка, а девушка!

Но официантка также молча, также картинно раскачиваясь, проходит. Тогда он поднимается, подходит к телефону-автомату, висящему на стене, и набирает номер. Раздается звонок телефона – и тотчас в глубине сцены появляется женщина средник лет – Ее мать. Ее мать усаживается за один из столиков полукруга.

Ее мать. Алло!

Он. Как жестко и определенно: «Алло». Не какое-нибудь там мягонькое: «Алё».

Ее мать (*снова*). Алло!

Он. Попросите Лену.

Ее мать (*с сарказмом*). Ну во-первых, следует употреблять слово «пожалуйста». К примеру: «Попросите, пожалуйста, Лену». (*Молчание*) А кто же спрашивает Лену?

Он. Вашу дочь Лену спрашивает друг ее юности Ферапонт. Он звонит ей прямо из кафе «Вареники»...

Ее мать. Вам бы надо знать, остроумный друг ее юности Ферапонт, что Лена разговаривать с вами не хочет и просила ее более не тревожить. (*Вешает трубку*).

Он. «Более...» Ха-ха! У нее такой торжествующий голос, как будто она меня бросила, а не ее дочь Лена. (*Снова набирает номер телефона*.) Серова Геннадия можно?

За столик усаживается Молодой человек.

Молодой человек (*настороженно*). Это я...

Он. Геныч! Ха-ха! Это я, Жариков... Жариков, который Вадим.

Молодой человек (*спокойно*). Узнал.

Он. Ха-ха-ха... Узнал, а чего не радуешься, друг ситный? Это я тебе нанес астральный звонок прямо из юности... точнее из кафе «Вареники», где я пребываю сей момент. Может, появишься и проведем время в приятной беседе?

Геныч (*важно*). Ну что ж, я зайду. (*Внимает календарь*). Я зайду на пятнадцать минут.

Он. Нет. Ты уж зайди на шестнадцать. Заходи на шестнадцать минут – и никаких гвоздей.

Вешает трубку и вновь усаживается за свой столик, сразу засыпает.

Он (*в зал*). Их никого нет. (*Жест на сидящих за столиками*). Они мираж, плод моей фантазии... Я, видите ли, фантазер... Ах, как облегчает это жизнь... Например, закончил работу позднохонько – магазины закрыты, рестораны тоже... А ты шагаешь себе в ночи и преспойненько в фантазиях поглощаешь какой-нибудь шашлычок по-карски. И ведь наедаешься! Ах, фантазии! Началось у меня это в детстве. Однажды на уроке двойку получил. Ну, возвратился я в детской горести на свою парту. И вдруг – стал мечтать! И понесло! И уже намечтал я, что получаю совсем не двойку, а высший балл. И вот уже возвращаюсь домой – у подъезда домовая общественность, родители-счастливицы с флагами. И расцветился я улыбкой по поводу всей этой приятности – но вдруг слышу: «Что ж это ты, Жариков, хамишь? Мало того, что двойку схватил, ты еще и смеешься!» Это «учительница первая моя» вознегодовала... Да, трудно порой приходится! Но фантазии, фантазии! И до чего я дохожу порой в этих самых фантазиях! Просто беда! Допустим, сообщают мне, что сослуживец мой Тяпкин-Ляпкин заболел. А я тотчас улыбаюсь. Люди думают, что я бессердечный или идиот. А на самом-то деле – фантазия. Я просто тотчас вообразил, что мой сослуживец Тяпкин-Ляпкин уже выздоровел и, восстав с одра болезни, радует коллектив своим присутствием... Так что не удивляйтесь, если порой в моменты самые неподходящие я вдруг подарю улыбку. Фантазеры – мы все такие!

Значит... (*жест в сторону ее матери*) это моя теща... Теща, привет! Ха-ха! Презирает... (*Появляется пожилой мужчина, усаживается на стул рядом с матерью и тотчас закрывается газетой – читает.*) Мой тесть... Говорят ценный работник... Дома всегда погружен в чтение газеты, сокрыт за нею. Так что за годы супружеской жизни я так и не повидал лица тестя. А жаль – повидать лицо ценного работника всегда полезно.

Ее мать (*мужу*). Я хочу с тобой посоветоваться: делать ли Леночке на зиму новую шубу? (*Шевеление газеты.*) Я тоже так думаю, совсем ни к чему... Мода опять скоро переменится, и тогда...

Ее мать, жестикулируя, о чем-то говорит мужу, но мы уже не слышим их разговора.

Он. Это они так всегда разговаривают: она его о чем-то спрашивает и сама же за него себе отвечает. Тоже, видать, фантазерка.

И тогда появляется Она.

Моя жена... точнее, экс-жена.

Она. А это мало кому интересно.

Он. А уж это я сам решу.

Она. А мне наплевать...

Он. Боже, мы ругаемся с нею даже в мечтах. Бесплотное видение... А я с ней даже в этаким эфемерном виде – ругаюсь... Привычка. (*Элегически*) Но теперь для меня и в этом есть очарование. Так сказать, «тени минувшего – счастья уснувшего».

Появляется Официантка.

А вот это – реальность... Я сижу в кафе «Вареники», жду друга Геныча, и мимо меня в десятый раз проходит официантка... (*Официантке*) Девушка, а девушка!

Официантка остановилась и развернулась.

Официантка (с некоторым презрением). Дальше. Он. Вы свободны?

Официантка. Нет, замужем.

Он. Ха-ха, остроумно!

Официантка. Вы что, слепой, не видите – стол не убран... Чего смеетесь?

Он. Ха-ха! А это я представил, что вы его уже убрали... Значит, «вареники ленивые».

Официантка. У нас плита не работает. Только холодные закуски...

Он. Можно жалостливую книгу?

Официантка. А ее нет.

Он. А где же она?

Официантка. А у директора.

Он. Айда к нему.

Официантка. А его нет. Он – выходной! Да ну вас... Ну что кушать будете?

Он. Ну ладно! Вареники я как-нибудь вообразу... А за это принесите...

Официантка. У нас только коктейли.

Он. Их.

Официантка (милостиво). Салат еще могу принести. Один есть. Что рано-то пришли? Жена, что ли, завтраком не кормит?

Он. Нету жены... Молодой-холостой.

Официантка. Остроумничаете все. За что жена-то бросила?

Он. За что всех бросают? За доброту

Официантка. Значит, коктейль – один? Салат – один... Что, по правде холостой?

Он. Ха-ха-ха! Понарошку, по правде.

Официантка уходит.

Жена. Хорошо беседуешь. Ничего не скажешь! (*Великолепно презрительно.*) Официантка!

Он. Ну-ну-ну! Очень хорошенькая официантка, очень современная официантка.

Официантка возвращается с коктейлями, ставит их на стол. Сама усаживается в СТОП ОНЕ, надевает очки и что-то начинает писать.

Официантка (строго). Вот, придумали: листочки заполняем... Выясняют, отчего пьют люди... Причины перечислить, как я их сама понимаю...

Он. А действительно, отчего же они пьют?

Официантка. Отчего не пьют лучше спросите. От плохой погоды пьют?

Он. Действительно, предположим, холод или там сырость пронимает или, наоборот, жара...

Официантка. А от расстройства всякого? С горя... или с женой там поссорился.

Он. Или помирился...

Официантка. А из-за жилищных условий – разве не пьют?

Он. А как же... Допустим, тесно соловью в квартире, или, наоборот, слишком просторно.

Официантка. Дальше идут праздники... Я думаю их подразделить на личные и общественные...

Он. Мудрая девушка.

Официантка (усмехнулась). А дальше в голову ничего пока не идет... Я думаю, все остальное надо объединить в один пункт – «захотел человек – и напился».

Он не успел ответить, так как его друг Геныч, выкрикнув во сне «Серов – двадцать первый», просыпается, встает и подходит к его столику

Он. Геныч! Пришел!

Геныч (*несколько важно*). Привет. (*Садится*) Ну как ты?

Он. А ты?

Геныч. Хорошо.

Он. А вообще?

Геныч. Тоже хорошо.

Он. Женат?

Геныч. Почему ты так решил?

Он. На часы смотришь. Только уселся и сразу приник к часам. Вы, женатики, всегда торопитесь. Ну куда ты так торопишься? Ну что там тебя ждет такое развеселое? Поделись... (*Официантке*) Может, прервете свою научно-исследовательскую работу и принесете товарищу?

Официантка (*поднимаясь*). Научно-исследовательскую... Ха-ха! Скажете же... Ха-ха! Исследовательскую! Ха-ха! (*Уходит*).

Он. Сколько мы с тобой не виделись?

Геныч. Ты учти только, я ведь...

Он. Я знаю, ты не пьешь. Да ты не бойся, плачу-то я: ведь у вас, женатиков, копейка всегда лишний рубль бережет – тот самый, который ты все равно не получишь: жена заберет. Да садись ты, наконец, не маячь.

Геныч (*солидно*). А ты чего-то все говоришь-говоришь, а я не понимаю. Шутки шутишь, а мне не смешно... Прости, но, по-моему, какие-то плоские у тебя шутки выходят, тебе не кажется?

Он (*насмешливо*). Кажется... Кажется. Тсс... Не мешай – я вспоминаю. (*В зал*) Сверстник – он был круглым отличником... Он был сладостной мечтой родителей в нашем южном городе-курорте. После школы мы оба поехали поступать в университет, в столицу. И оба поступили.

Входит Официантка с коктейлями.

Официантка. Мало пунктов получилось... Может, их еще на какие-нибудь подпункты разбить?

Он. Не порть... «Захотел – и напился» – это почти классика. (*Продолжает, глядя на Геныча*) Но в университете его ожидала метаморфоза... Вы поглядите сейчас на его степенный вид! А всего восемь лет назад в университете он был худ, строен, красив, он открыл, что похож на...

Геныч (*торопливо*). Алена Делона!

Он. И все девицы...

Геныч. Штабелями...

Он. И его так потрясло открытие собственной привлекательности, что он уже был потерян для знания. Он забросил занятия, он предался удовольствиям, он сошел с ума, он смотрелся во все полированные поверхности. А как он умел разговаривать с девушками!..

Геныч. С любой девушкой...

Появилась Официантка с распущенными волосами.

Он (*в зал*). Это уже не официантка. Это – моя очередная фантазия: это – «любая девушка».

Геныч (*молодцевато*). Девушка, а я вас где-то видел – в смысле хочу с вами познакомиться.

Официантка смеется.

Он. Какое начало!

Геныч. Откуда путь держите и куда?

Официантка. Кино вчера смотрела.

Он. Течет-течет беседа!

Геныч (*девушке, весело*). Кино хорошее?

Официантка (*хохочет*). Хорошее. И конец хороший. Я люблю, когда с хорошим концом.

Он (*в зал*). Вы только обратите внимание! Она помирает от смеха, будто он сообщил ей какие-то потрясающие вещи.

Геныч. Главное – не останавливаться. (*Девушке*) Смотри, парень длинный идет.

Официантка (*смеясь*). У меня брат тоже длинный.

Геныч. Но покороче меня.

Официантка. А у нас на работе есть длинная девица – Комарова ее фамилия – она в баскет играет.

Геныч. А я знал одного длинного – так он ходить не мог, такой был длинный. Да, я забыл, я ведь участник всесоюзной переписи населения. Так что попрошу... имя... фамилия... телефончик – рабочий и домашний. (*Девушка в восторге хохочет, уходит*) А ты не умел...

Он. А я не умел... О застенчивое мое отрочество! О чувствительность! О примитивно-греховно-возрастные мысли, которые посещали меня в родном городе-курорте, когда наткнулся я глазами на щедро обнаженные тела жительниц нашей необъятной родины. Но нет, вы не имели никакого отношения к мечте о ней... Ее лицо плыло в вышине в мечтаниях – оно было похоже на лицо Беляевой Люси из 4-го класса родной школы. (*Геныч хохочет.*) Да, конечно, и она была влюблена в тебя... Ты был всегда обаяшка... В десять лет ты подходил на улице к любой представительнице женского пола, просил пять копеек... и получал в ответ пригоршню монет и ворох восторгов типа: «Ну зачем тебе такие ресницы – отдай их мне!» И когда я уязвленный твоим успехом, принципиально обращался с подобной же просьбой, то мой облик почему-то порождал у них только недоуменные вопросы: «Сколько тебе лет? А где сейчас твоя мама? А зачем тебе такие деньги?»

Геныч. Регламент старый.

Он. И уже в десять лет я сказал себе, как Чехов: «Меня не любили женщины!» И я завидовал тебе... И поэтому я так испугался тогда в этом кафе... Ты хоть помнишь, что случилось тогда в этом кафе?

Геныч. А что?

Он. Серьезно не помнишь? В этом кафе ты познакомил меня...

Геныч. С кем?

Он. С моей женой, кретин! (*В зал, указывая на столик, за которым сидит Она.*) Она сидела за тем же столиком с некрасивой подругой.

Она. Ну почему уж такой некрасивой?

Он. А вот это загадка: любимой подружке положено быть некрасивой.

Она смеется.

Он. Она хороша!

Ее мать. Ах, как она хороша!

Он. На мехмате – на трагически бедном красивыми девушками мехмате – многие были в этом уверены.

Ее мать. Она – красавица!

Он. Правда, после окончания университета только трое по-прежнему разделяли эту уверенность: ее мать, я и она сама.

Геныч. Хай-класс! *(Поднимается.)*

Он. Может, не надо?

Но Геныч уже подходит к ее столику что-то говорит, и Она смеется. Он еще что-то говорит – и Она заливается смехом. Тогда Он вынимает записную книжку и о чем-то ее спрашивает.

Он. Сейчас он запишет ее телефончик. А потом начнет возвращаться в общежитие очень поздно, а потом однажды я спрошу его дрожащим голосом: «Как дела?»

Геныч *(оборачиваясь)*. Все то же... Короче, селявивка или «все путем», как говорят трудящиеся.

Возвращается.

Она *(вслед)*. Но все случилось иначе. К несчастью.

Геныч *(возвращается, искренне удивлен)*. Ты знаешь, старый, какая ерунда... Она хочет, чтобы ты тоже подошел.

Он тотчас вскакивает.

Она. Ты сидел такой смешной, растерянный, мне тебя просто стало жалко.

Он. Так ты сказала потом. И в дальнейшем ты почему-то очень любила меня жалеть.

Геныч *(подводя его к столику)*. Ну, знакомьтесь. «Отец Онуфрий, основатель Онежской обители»...

Он. Это он так всегда шутил. Почему-то после этой идиотской шутки все девицы умирали со смеху. Но ты не засмеялась. Ты сбросила со лба невидимую прядь и сказала мне... Мне!..

Она. Меня зовут Леночка...

Он *(тупо)*. Очень приятно.

Она *(засмеялась)*. А я тоже учусь в университете, на биофаке. Вот так... *(Засмеялась)* Димка!

Он. Как ты поразительно меня назвала «Димка...» Все окружающие звали меня Вадим или совсем нестерпимо – Вадимчикили еще ужаснее – Вадюша! А Димой меня называла только мама. И ты.

Он и Она поднимаются и выходят на середину сцены.

Он. Мы познакомились...

Она. Да...

Он *(в зал)*. Счастье. Юность. Порывы!.. И в моем дневнике... я вел тогда дневник, появилась запись: «Лена – о.п.» что означало «Лена – очень понравилась». Правда, до этого там было записано «Вера – о.п.», и «Зина – о.п.», и «Галя – о.п.»! Но на этот раз – все серьезно! И на

этот раз – взаимность. О! О! О! Я иду и рядом – она! Счастье! За что?! Нет, я вас спрашиваю: за что такое счастье!!! (*Целует свою руку; в восторге прикрыв глаза*) Пройдет три года – только три года!..

Она. Милый, три года с тобой и не тому научат...

Он (*помолчал*). Прости! Не надо! Ведь мы с тобой только познакомились.

Расходятся на свои места.

Геныч (*встает*). Ну, лады! Посидели, повспоминали – хорошее и дурное... Хорошее, чтобы сохранить, развить... Дурное – чтобы выявить, исправить. Но пора и честь знать.

Он (*прервал*). Послушай, ты сочинял стихи, да?

Геныч. Были! И стихи были, и песни. «Дубинушку» помнишь? (*Запел, оживляясь.*)

На физфак поступал,
Все экзамены сдал,
На физфаке не жизнь, а малина.
Только физика – соль,
Остальное все – ноль.
А геолог, филолог – дубина!

Ну насчет того, что филолог, геолог – дубина, это, конечно, был перебор...

Он. Нет, другие стихи. У тебя были стихи про поколение «Поколение...» Ну как там?

Геныч. А, все мы сочиняли стихи в свое время... Так сказать, есть время сочинять стихи и шалить и есть время... Вот так, старый, перед последним курсом собрал все свои стихи, марки, джинсы и отослал в город-курорт младшему брату! Как мы острили в третьем классе: «Хорошенького понемножку, как сказала бабушка, вылезая из-под троллейбуса». Это ты у нас всегда воспарял... А я еще в университете понял: в нашем с тобой деле, чтобы стать кем-то, нужно вкалывать по двадцать четыре часа в сутки... как ты... или вовремя сказать о себе: я не Оппенгеймер, я не Курчатов – я рядовой работник научного фронта, обладающий хорошим здоровьем и настроением... Значит, звони. Учти – по воскресеньям мы играем в карты у меня... И нам порой очень нужен третий для игры в преферанс, так что хватай бутылочки три пивка – и милости прошу! Слушай, старый, но я все-таки не понял, зачем ты меня позвал сюда?

Он. Понимаешь... Я хотел тебе все рассказать. Это мне необходимо сейчас... как третий для игры в преферанс! Но когда ты вошел, я сразу понял, что все зря. Я не смогу тебе рассказать, как я хочу!.. Для этого мы слишком хорошо знаем друг друга.

Геныч уходит в глубь сцены и садится за свой столик. И тотчас засыпает. А в это время Официантка обходит столики и, не обращая внимания на сидящих, будто не видя их, сервирует столики.

Зачем так много рюмок?

Официантка. Вечером сервируют в три стекла: фужер, винно-водочная и коньячная рюмки... Вы что, со мной познакомиться хотите?

Он. А я уже был с вами знаком. Вот только вспомню...

Официантка. Это все так говорят. У меня фигура красивая, а лицо не очень. И пристают ко мне все на этом основании... красавцы, потому, что фигура у меня красивая... И не красавцы – тоже не церемонятся, потому что физиономия у меня не блеск... Вам «Южную ночь» или «Космос»?

Он. «Космос» – вечный порядок. Лицом в космос, лицом к порядку...

Официантка. Они все одинаковые. Ну и болтун вы! (*Ставит коктейль.*)

Он (*кивнув на коктейль*). Может, за компанию?

Официантка. Нельзя, у меня кислотность... Так устала... А вы не вспомнили, откуда вы меня знаете?

Он. Вспомню... Вспомню... Я сегодня буду вспоминать массу нужных вещей и эту заодно.

Официантка отходит, садится на свой стул, надевает очки и продолжает писать.

(*Жене, шепотом*). Я тебя жду. Я пришел. Это наше первое свидание.

Он встает. Она тоже поднимается и медленно движется к нему по сцене, отсчитывая шаги.

Часть первая

Рай.

Он. Это – рай. *(Она останавливается) (В зал)* Она всегда считала шаги... Она верила, что если выйдет определенное число шагов – будет удача...

Она *(считая)*. Двадцать восемь... Двадцать девять... *(Делая крохотные последние шажки)* Тридцать... Слава богу, тридцать!.. Я не опоздала?

Он. Нет... *(В зал)* Потрясающе! Она опоздала всего на двадцать семь минут.

Она. Только не бери меня так сильно под руку, а то останутся синяки – у меня руки какие-то ненормальные...

Он *(в зал)*. О, как хорошо! В этом – признание моей силы и ее девичьей слабости, и в этом понимание, как прелестна и женственна эта ее слабость. Рай! Рай! *(В зал, почти поет)*. Это – эра прикосновений! Нам всюду с нею слишком просторно. Нам всюду слишком много места... Мы...

Он и Она садятся на один стул, читают невидимую книгу.

(Придвигаясь к ней) Тебе не тесно?

Она. Ну что ты! А тебе?

Он. Нет, нет! *(Придвинувшись)* Я переворачиваю страницу, если ты прочла?

Она. Да, переворачивай.

Он *(вдавливается плечом в ее плечо)*. Ты прочла?

Она *(вздвигнув)*. Да.

Он *(еще придвинувшись)*. Тебе не тесно?

Она. Ну что ты! А тебе?

Он. Нет, нет! Ты прочла?

Она *(не слыша)*. Да-да...

Он. Тогда я переворачиваю страницу.

Стук часов. Время.

(Прекрасно). А вот он – первый поцелуй...

Они целуются. Стук часов. Время. Они целуются.

Это – уже тысяча первый... *(Ей)* До свидания!

Она. До свидания. *(Целуются)* Ну хватит, хватит! *(Целуются)* До свидания. *(Смех)*

Он. До свидания. *(Целуются)*

Она. Во сколько завтра ты позвонишь? *(Целуются)*

Он. Я позвоню тебе завтра в семь. *(Целуются)*

Она. Да, в семь я уже буду дома. *(Целуются)*

Он. Я знаю. В семь я тебе и позвоню. *(Целуются)*

Она. Ну все... все... в семь... *(Целуются)* В семь. *(Целуются)*

Он. В семь. *(Целуются)* Ты запомнила – в семь?

Она. Все, все запомнила – в семь. *(Целуются)*

Он. И не опаздывай – в семь! *(Целуются)*

Она. Ага, не опоздаю – в семь. *(Целуются) (Счастливо)* Мой подбородок горит, как семафор, ты его совсем уничтожил... *(Целуются)*

Он *(гордо)*. В семь, да? *(Целуются)*

Она. В семь! В семь! *(Целуются)*

Ее мать. Поразительно! Два студента! Хоть бы слово разумное сказали!

Стук часов. Время.

Он *(в зал)*. Я уже привык к ней. Мне уже казалось естественным, что эта красивая девушка почему-то из всех окружающих предпочитает меня. И теперь...

Она. Не смей об этом! Не надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.